

Крутоголов Ф. Ф. Правда о Сорокине

Публикация А. С. Пученкова

Летом 2010 г., во время поездки в Краснодар, автором этих строк были обнаружены в местном краевом архиве воспоминания активного участника гражданской войны Федора Федоровича Крутогорова (1892–1976), служившего в 1918 г. адъютантом главнокомандующего Красной Армией Северного Кавказа Ивана Лукича Сорокина.

Иван Лукич Сорокин (1884–1918) — фигура трагическая. В октябре 1918 г. талантливый полководец-самоучка стал жертвой самосуда. Оболганным оказалось и само имя Сорокина, на которого в итоге свалили всю вину за поражение красных войск на Северном Кавказе, которыми Иван Лукич командовал 3 месяца — с июля по октябрь 1918 г. **Поднявший «мятеж» против местной советской власти, Сорокин был убит и, уже мертвым, обвинен во всех смертных грехах.** Бывшего главковерха причислили к «авантюристам»; в научной литературе его изображали человеком необычайно властолюбивым, жестоким и в общем-то недалеким; мемуаристам предписывалось «сверху» писать о Сорокине как о командире вздорном, не понимавшем задач партии и глубоко несоветском; в свою очередь, историки не отставали от мемуаристов уже, что называется, по долгу службы. Так, советский историк И. Разгон вынужден был написать откровенную ложь, утверждая, что «в армии его (И. Л. Сорокина. — А. Л.) ненавидели». В то же время Разгон нашел в себе мужество признать, что «Сорокин был своеобразно популярен среди казачества...»¹ В другой своей работе Разгон утверждал, что Сорокин сумел «пробраться на пост командующего армией и принести огромный вред революции только в результате преступной деятельности Троцкого, кубанских троцкистов и «левых коммунистов» во главе с предателем Яном Полуяном»². О роли Полуяна в судьбе Сорокина мы скажем позже. Разгон также утверждал, что «Штаб

Пученков Александр Сергеевич,
кандидат
исторических наук,
доцент,
Санкт-Петербургский
государственный
электротехнический
университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова
(Ленина)
(Санкт-Петербург)

Сорокина был вражеским гнездом, где засели шпионы и предатели. Сам Сорокин и ближайшие его помощники были эсерами...»³ По сути, уже задним числом сталинская историография называла Сорокина врагом народа. В поздней советской историографии оценки личности Сорокина не изменились. В частности, глава советской исторической школы академик И. И. Минц также писал об «измене» авантюриста, считавшегося эсером И. Л. Сорокина, как о чем-то должном, повествуя о том, что «Изменник был арестован и расстрелян вместе со своими сообщниками...»⁴ По словам Минца, в штабе Сорокина «нашли приют контрреволюционеры, а преданных Советской власти командиров он расстреливал, расстреляны были Командующий Таманской армией И. И. Матвеев и группа руководящих деятелей Северо-Кавказской республики»⁵. В массовом же сознании Сорокин запомнился благодаря роману Алексея Толстого «Хождение по мукам», в котором Иван Лукич был показан человеком не слишком трезвым, невероятно вспыльчивым, жестоким, хотя и популярным в войсках⁶. Вместе с тем Толстому удалось показать значение личности Сорокина в борьбе с Деникиным: «Где только колебался бой, всюду красноармейцы видели мчавшегося Сорокина на рыжем коне. Казалось, одной своей страстной волей он поворачивал судьбу войны, спасая Черноморье»⁷. Примерно такой образ толстовского Сорокина и был воплощен на киноэкране блистательным Евгением Матвеевым, сыгравшим Ивана Лукича в экранизации «Хождения по мукам» в конце 1950-х гг. Сорокин был избран в качестве главного виновника поражений Красной Армии на Северном Кавказе, отступление от такой трактовки было невозможным. Между тем, если верить главному противнику Сорокина и Красной Армии на Северном Кавказе, генералу Деникину, вчерашний фельдшер был талантливым полководцем-самоучкой, проявившим исключительное искусство в борьбе с Добровольческой армией⁸.

В воспоминаниях можно встретить о Сорокине самые разные суждения: одни ветераны 11-й армии называли Ивана Лукича едва ли не главным виновником поражений красных войск на Северном Кавказе⁹, «наполеончиком», как выразился один из мемуаристов¹⁰. Расхожим среди ветеранов армии было утверждение о том, что Сорокин «продал нашу молодую 11-ю армию»¹¹. Однако в целом ряде других воспоминаний говорится о главкоме как о сильном и незаурядном человеке. Даже личный враг Сорокина, главный интендант войск Северокавказской ССР Г. Т. Зможный, готовивший физическое устранение Сорокина, признавал, что Сорокин — «был грамотный и знал военное дело»¹². Как представляется, свою версию «сорокинщины» высказал в своих записках и адъютант покойного главкома Ф. Ф. Крутоголов, неопубликованные воспоминания которого предлагаются вниманию читателей.

Подобно многим другим участникам гражданской войны, «ветеран ленинской партии», как он себя именовал, Федор Федорович оставил воспоминания, которые и были опубликованы незадолго до его смерти. Сорокин в советской историографии был, что называется, персоной нон-грата, его именовали и предателем, и изменником, и авантюристом. Учитывая существовавшие в то время «правила игры», Крутоголов в своих *опубликованных* воспоми-

нениях вынужден был таким же образом охарактеризовать своего командующего, называя Сорокина «крупнейшим авантюристом времен гражданской войны на Северном Кавказе»¹³. Однако за считанные дни до смерти Ф. Ф. Крутоголов закончил и сдал в местный архив рукопись своих воспоминаний «Правда о Сорокине», в которых он дал Ивану Лукичу иную, менее предвзятую характеристику. Воспоминания Крутоголова, несомненно, осведомленного человека, содержат большой объем информации, интересные оценки исторических личностей и событий, в значительной степени корректирующие прежние представления историков о гражданской войне на Северном Кавказе. «Правда о Сорокине» — безусловно, субъективное произведение, автор которого всецело стоит на стороне своего убитого главкома. В частности, Крутоголов высказывает «сорокинскую» версию пятигорской трагедии — расстрела по приказу Сорокина руководящих деятелей ЦИК Северокавказской республики. Значение рукописи в другом: все эти события Крутоголов видел, находясь, что называется, на одной линии огня с Сорокиным, зачастую получая сопоставимое со своим патроном количество фактов по тому или иному вопросу. Интересен также и тот отбор фактов, который предпринял мемуарист, пытаясь восстановить в своей памяти и запечатлеть для истории образ убитого без суда и следствия командарма. Все это делает «Правду о Сорокине» ярким образцом мемуаристики.

Представляется, что «Правда о Сорокине» может вызывать интерес у самого широкого круга читателей. Воспоминания представляют собой машинопись с отдельными рукописными вставками. Судя по всему, автор, чувствуя приближение кончины, воспринимал завершение работы над «Правдой о Сорокине» как выполнение своего нравственного долга перед покойным командующим. До настоящего момента отдельные отрывки из рукописи Крутоголова публиковались лишь в монографии московского историка Н. Д. Карпова и в статье, опубликованной автором этих строк совместно с петербургским историком В. Б. Лобановым¹⁴. В последней работе подробно были рассмотрены основные вопросы, затрагиваемые в настоящей публикации — пятигорская трагедия, расстрел командарма Таманской армии Матвеева, назначение Сорокина на должность главнокомандующего, интриги самых разных должностных лиц против Ивана Лукича... В связи с этим публикатор счел возможным не пересказывать во вступительной статье уже известные факты из жизни Сорокина, обращая интересующихся к упомянутой статье, и дав тем самым высказаться мемуаристу — Крутоголову. В полном объеме рукопись не публиковалась. Орфография и пунктуация оригинала сохранены.

Крутоголов Ф. Ф. Правда о Сорокине. 2 февраля 1976

Будучи адъютантом главнокомандующего А. И. Автономова я хорошо знал Ивана Лукича Сорокина, который был помощником сначала главкома Автономова¹⁵, а позже Кал-

нина¹⁶. Я все время работал вместе с И. Л. Сорокиным, а точнее с 10 февраля 1918 года...

Боевой революционный путь Сорокина проходил на моих глазах. История Сорокина в свое время вызвала много шума, и сама она настолько поучительна, что заслуживает более подробного освещения и широкой огласки. Рассказы о «сорокинщине» — этом глубоко трагическом эпизоде в истории Советского Северного Кавказа — так противоречивы и нелепы, что я считаю необходимым подробно осветить фактическую сторону.

Сорокин И. Л. родился в станице Петропавловской Кубанской области, бывший казачий офицер военного времени периода империалистической войны. Будучи фельдшером, он в 1905–1907 гг. принимал активное участие в революционном движении, за что царским правительством был осужден и сослан в Оренбург под надзор полиции. В августе 1909 г. вернулся на Кубань и продолжал работать фельдшером в станице Леушковской до 1914 года.

В 1914 году Сорокин был мобилизован на фронт империалистической войны. Окончив в Тифлисе школу прапорщиков, он командует казачьей сотней и за боевые заслуги на турецком фронте был произведен в есаулы.

В 1917 году Сорокин был командирован на казачий съезд в Киев, где вместе с Автономовым в резкой форме критиковал генералов, выступавших в поддержку Временного правительства и союза казачих областей. Казачий съезд из Киева переехал в Новочеркасск. Сорокин и здесь выступил против генералов и нажил себе врагов. Опасаясь ареста, Сорокин бежал на Кубань в свою родную станицу Петропавловскую. Здесь он организовал революционный комитет и собрал крупный революционный отряд из кавалерии и пехоты, вначале из жителей своей станицы и прилегающих хуторов, а постепенно к нему присоединились другие отряды (пешие и конные), а также артиллерийские части. Все отряды под его командованием скоро перестали митинговать и голосовать. Сорокин укрепил военную дисциплину и они уже представляли довольно значительную организованную военную силу, с которой он и пришел в Тихорецк к главкому Автономову. Здесь Сорокину было поручено командовать Екатеринодарским фронтом. В ходе борьбы с белогвардейской корниловской армией¹⁷ войска Сорокина добились большого успеха. За победу над корниловской армией ЦИК Кубанской республики и Краснодарский горком РКП(б) наградили Сорокина алой муаровой лентой. В дальнейшем Сорокину было поручено командовать войсками на Ростово-Батайском фронте против немецких оккупантов и войск генерала Краснова. Сам Сорокин выделялся своими умелыми боевыми распоряжениями и организаторскими способностями. Он лично водил войска в бой, всегда находился впереди самых смелых и храбрых.

Я впервые встретился с И. Л. Сорокиным на станции Станичная у станицы Кореновской, где находился штаб его армии, наступавшей на Екатеринодар. Это было 10 февраля 1918 года. По его предложению, меня оформили адъютантом главнокомандующего Северокавказских войск А. И. Автономова, у которого Сорокин был помощником. Я работал все время с Сорокиным, и я всегда чувствовал, что имею дело с человеком очень решительным,

обладающим огромной силой воли и непреклонным характером. Держался он очень спокойно, отдавал распоряжения, не повышая тона. И надо сказать Сорокин пользовался большим уважением не только у рядовых бойцов, но и у командиров, и политработников. Он всегда присутствовал на партийных собраниях первичной парторганизации при штабе армии и активно выступал по всем обсуждавшимся вопросам.

Сорокин был человеком крайне честолюбивым, но житейски умным. Политические убеждения у него были: защита Советской власти была его главной целью. Тактические задачи и стратегические планы он решал и развивал быстро и наверняка, он часто спорил с командирами и членами реввоенсовета по планам военных операций и на деле всегда оказывался прав. Сорокин выше и важнее всего в период войны ставил военное дело, стремился быть неограниченным в сфере военной деятельности, в гражданские дела не вмешивался, предоставляя это политорганам армии. Он представлял человека, которому приходилось бороться не только с врагами явными, но и с какой-то таинственной изменой, которая окружала его. Он чувствовал всю неискренность отношения к нему со стороны членов ЦИК Северокавказской республики — Рубина, Крайнего (Шнейдермана), Рожанского, Дунаевского и членов Чрезвычайного штаба обороны — Казбека и Иванова. Они армии не знали, и армия их не знала и не видела. В то же время они направили в главный штаб Северокавказской армии и в оперативный штаб белогвардейских офицеров, деникинских агентов, которые, затаившись, творили свои темные дела: искажали смысл приказов и распоряжений в пользу деникинской армии, в июле 1918 года вызвали на срочное совещание в главный штаб на ст. Тихорецкая комиссара республики А. С. Силичева, военрук Сосницкого и в это время подняли восстание в главном штабе. Силичев и Сосницкий были убиты, Калнина ранили, но ему удалось бежать, начальник штаба Балабин сражался до последнего патрона и застрелился.

Сорокину, Гайченцу, Щербине, Троцевскому, по имеющимся документам, которые оставил бывший главком Автономов, — Рубин, Крайний, Дунаевский, Рожанский, Казбек — были чужие, пришлые люди, бундовцы, которые воспользовались тем, что кубанские большевики, кто был в ссылке, кто арестован Покровским¹⁸, а кто вообще уничтожен — захватили власть в только что народившейся Кубано-Черноморской, а позже Северокавказской республике государственную, политическую и старались захватить и военную власть. От этого и пошли все наши беды.

Главком Автономов имел материалы и требовал от ЦИК Кубано-Черноморской республики снять с руководящих постов пришлых, сионистов и бундовцев, которые никем сюда не командированы и никем не избирались. Казбек, Иванов — это вымышленные фамилии, Рожанский, Дунаевский, а позже и Крайний-Шнейдерман явились без документов и каким-то чудом оказались у власти.

Когда Автономова с поста главкома сняли, и он уезжал в Москву с письмом Чрезвы-

чайного комиссара юга России Г. К. Орджоникидзе, он передал документы на бундовцев И. Л. Сорокину.

15 октября 1918 года в Пятигорске на фронтовом съезде, на котором присутствовали члены ЦИК, члены крайкома РКП(б), члены Реввоенсовета республики, главком Сорокин и его штаб, представители от частей и соединений Северокавказской XI армии (от Шариятской дивизии были я и комиссар Назир Катханов), Сорокин в своем докладе заявил, что армия в тяжелом положении, в частях и соединениях уже по несколько месяцев командиры, политработники, красноармейцы не получали жалования, задолженность достигла 2-х миллионов рублей. Нет обмундирования, продовольствия, фуража, медикаментов.

Выступил Крайний-Шнейдерман. Он со злостью обрушился на Сорокина. Он говорил, что недостача боеприпасов, обмундирования, продовольствия, фуража, медикаментов, денег — объясняется плохим командованием главкома Сорокина, деньги для армии отпускаются и достаточно, но они идут не по назначению.

Вторично взял слово Сорокин. Он сказал: «Если вы отпустили денег для армии достаточно, так предъявите банковские документы. Затем. Я главком, занимаюсь командованием армии, а не ее снабжением. Я не начальник главного интендантства. Начальник главного интендантства Мамсуров, вот у него и спросите: почему у него пустые склады? Чем он занимается? Почему вагоны с патронами, снарядами и обмундированием оказались в Минводах, в тупике железнодорожной станции, между горелыми и битыми вагонами и паровозами? Кто их туда загнал? Где документы на них?»

Рубин — председатель ЦИК республики заявил: «Будем искать виновных». В зале зашумели делегаты. «Пусть выступит Мамсуров, и доложит нам о своей деятельности». Но Мамсуров не выступил, он что-то сказал Рубину и вышел из зала.

Тут произошло еще одно событие. Когда Крайний-Шнейдерман шел к трибуне, он бросил маленькую записку М. Власову-Богоявленскому, но тот не заметил, и она упала на пол. Подобрал записку Иван Черный — начальник гарнизона, в которой было написано следующее: «Мишук, ты слышишь, куда он погибает... Надо немедленно с этой сволочью кончать... Или мы, или эта сволочь».

На второй день Иван Черный вручил записку Сорокину, который прочитал ее в присутствии пом. Главкома Гайченца, Назира Катханова, Павла Щербины, Сергея Автономова (брата бывшего главкома). После этого Сорокин сказал: «Значит, эти бундовцы решили меня уничтожить. А кому же наша революционная армия достанется? И куда ее повернут? Нет, я ее создавал, и так просто не отдам».

Он вызвал адъютанта М. Гриненко, коменданта штаба В. Костяного и приказал: «Возьмите кавалерийский взвод, две автомашины и арестуйте Рубина, Крайнего, Дунаевского, Рожанского. Они решили главкома Сорокина уничтожить, надо им помешать». Через несколько часов Гриненко доложил: «Ваше распоряжение выполнено. Сделали обыск. У арестованных

Рубина и Крайнего обнаружена переписка, документы...». Сорокин сказал: «Документы положите под диван, арестованных отправьте под Машук». Под Машуком находилась тюрьма, и все мы подумали, что арестованных отправляют в тюрьму. В это время Черный по просьбе Рубина ввел его в кабинет Сорокина. Рубин спросил: «Иван Лукич, что это за арест? Что ты задумал?» Сорокин показал ему записку Крайнего, которая была написана Власову. Рубин прочитал и говорит: «Иван Лукич, я этого ничего не знаю». Тогда Сорокин, указывая рукой на диван, заявил: «Вот ваша предательская работа... Вы ведете переписку с меньшевистской Грузией за спиной Центрального Правительства. Вы предатели. Черный, Гриненко — выполняйте распоряжение».

Арестованных усадили в машины и повезли в сторону Машука. Но по дороге Крайний-Шнейдерман начал шуметь на конвой: «Что Вы, сволочи, делаете? Кого вы, подлецы, арестовали? Вас самих надо расстрелять, как бандитов». Гриненко не выдержал, тоже вскипел и застрелил Крайнего из маузера, а вслед за ним и Рожанского. Костяной и Черный, видя, что на первой машине Гриненко стреляет в арестованных, тоже застрелили Рубина и Дунаевского. Не доезжая до тюрьмы, трупы сбросили в лесу.

Так произошла Пятигорская трагедия.

Остальные члены ЦИК, члены реввоенсовета созвали в Невинномысской Чрезвычайный съезд. Фракция большевиков своим решением подготовила документ от имени съезда, объявляющий Сорокина и его штаб вне закона. Сорокину советовали его чекисты не ехать на съезд, но он сказал: «Нет, я должен быть на съезде. Я докажу, что арестовал предателей, документами докажу». Он вложил в кожаную черную папку необходимые документы, погрузил в вагон эскадрон кавалерии, духовой оркестр, легковую автомашину и двинулся на Невинномысскую. С ним ехали пом. Главкома Гайченец, командир полка Щербина, адъютант Дурносвистов, комендант штаба Костяной, казначей главного штаба Рябов, комиссар Шариатской дивизии Назир Катханов, чекисты Иван Радченко и Ларион Сысоев.

На станции Курсавка поезд Сорокина был остановлен. Здесь Сорокин узнал, что он объявлен вне закона, ему было предложено прибыть на съезд не в качестве главкома, а в качестве обвиняемого без оружия и вооруженной силы. Такая перспектива его не устраивала, и он приказал выгрузиться из вагонов. Позже, когда Сорокина арестовали таманцы под Ставрополем и посадили в тюрьму, его действительно пытались доставить в Невинномысскую на съезд, но в это время белые взяли Армавир и съезд вынужден был свернуть свою работу. Сорокина вернули с дороги в ставропольскую тюрьму, в которой врид командира 3-го Таманского полка Иван Высланко застрелил его из нагана¹⁹.

Перед своим арестом, в то время, как был остановлен его поезд, он папку с документами передал жене Екатерине Исидоровне Автономовой. При этом он сказал: «В случае моей гибели, вручи эту папку советским органам и меня оправдают». После того как Сорокина

застрелил Высленко, Автономова передала папку командиру 10-й колонны 11-й армии Зоненко П. К., а сама уехала. Зоненко при отступлении не то забыл на квартире, не то потерял эту папку, и нам наверное не удастся прочитать эти документы. (Хотя в архивах Грузии они могут быть).

Расскажу о некоторых эпизодах из жизни Сорокина.

В августе 1918 года, после разгрома главного штаба Северокавказских войск белогвардейскими офицерами, главком Калнин заявил ЦИК и крайкому партии Сев. Кав. Республики, что он отказывается от поста главкома, что эта работа для него непосильная, и предложил вместо себя назначить Сорокина. Обсудив его заявление, ЦИК решил удовлетворить просьбу Калнина и 4-го августа 1918 г. главкомом Северокавказской армии утвердил И. Л. Сорокина. В это время Сорокин приехал в Екатеринодар. Он зашел в кабинет Яна Полуяна²⁰. Между ними были хорошие взаимоотношения. Поздоровавшись, Сорокин спросил: «Почему в кабинетах ЦИК пусто? В Чрезвычайном штабе тоже нет ни Иванова, ни Казбека. Где они? Сидят на чемоданах?» Полуян ответил: «Я не знаю, где они. Мы будем эвакуироваться в Армавир».

Помню, Сорокин был этим очень недоволен. Он говорил: «ЦИК и Чрезвычайный штаб сделали свое дело. Они укомплектовали оперативный отдел главного штаба белогвардейскими офицерами, которые работали в пользу Деникина. Они благословили на гибель Ейский десант в Таганрог... Это было предательство». А ведь войска наши дрались с врагом героически, об их боевых делах знал В. И. Ленин, о чем свидетельствует телеграмма от 27 мая 1918 г. в Тихорецкую фронтовому съезду, копии Орджоникидзе, Калнину, Сорокину. В ней писалось: «Совет народных комиссаров шлет братский привет фронтовому съезду и всем представителям полков, отстаивавшим Советскую родину. Совнарком не сомневается, что перед лицом врагов, внешних и внутренних, кующих цепи для трудовых масс, съезд с честью отстоит единство и нерушимость революционных сил Черноморья, Кубани и Дона. Назначаем нашим представителем на съезде Г. К. Орджоникидзе и поручаем ему передать наш горячий привет всем славным борцам, закрепляющим свободу и независимость Советской власти В. И. Ленин И. В. Сталин» (см. сборник издания 1967 г. стр. 312. «Ленин о Доне и Сев. Кавказе». Партархив Донского обкома КПСС²¹).

В тот же день Г. К. Орджоникидзе на фронтовом съезде вручил копию телеграммы И. Л. Сорокину.

В мае 1918 г. парторганизация при штабе Ростово-Батайского фронта оформила Сорокина сочувствующим РКП(б). Я это хорошо знаю потому, что меня тоже оформили сочувствующим нашей партии. Членом партии Сорокин не был. Актив у Сорокина был: Троцевский А. С., Петренко С. В., Щипанов И. И., Мироненко Г. И., Науменко А. Н., Лунев П. М., Воронов Е. М., Ковалев М. П., Федько И. Ф., Ткаченко Г. Д., Гайченец И. И., Невзоров А. П., Балахов Я. Ф., Ачкасов Г. и другие. Периодически Сорокин собирал их, обсуждал с ними планы

военных операций, вопросы снабжения армии, укрепления воинской дисциплины.

Основными причинами оставления 11 армией Северного Кавказа я считаю следующие:

1. Частая смена главнокомандующих армии, за год их сменилось шесть: Автономов, Калинин, Сорокин, Федько²², Крузе²³, Левандовский²⁴.
2. ЦИК, крайком партии, чрезвычайный штаб Кубано-Черноморской, в дальнейшем Северо-Кавказской республики не знали армии и армия не знала их. Не было правильного партийного руководства армией. В партийном и государственном руководстве были бундовцы, которые засорили главный штаб армии белогвардейскими офицерами, работавшими на Деникина.
3. Украинские части Жлобы²⁵, Мокроусова²⁶, Родионова и Никифоровой²⁷ (анархистски Маруси) отступили на Кубань не защищать ее, а сохранить свои силы. Они не проявляли себя героическими подвигами.
4. Когда шли решающие бои на Кубани и Сорокин приказал таманским частям оставить полуостров и прибыть под Тимашевскую, они, из-за местнических целей, не выполнили его приказа, и это явилось первопричиной отхода наших войск.
5. Жлоба Д. П., в нарушение приказа Сорокина, верный своей партизанской привычке, по существу бежал со своими частями с фронта под Царицын и этим воспользовались белогвардейцы. Они расчленили наш фронт, прижали к берегу реки Кубани, и нам пришлось потерять тысячи убитыми и ранеными. Жлоба помог обороне Царицына, но совершил преступление по отношению к войскам 11 армии. Беспристрастная история еще взвесит его заслуги и вину, и скажет чего больше, какая чаша весов тяжелее.
6. Расправа с Сорокиным без суда и следствия — разлагающе подействовала на армию. Что не говорите, а популярность Сорокина в войсках была большая, если не сказать огромная и подобная расправа с ним была грубейшим нарушением революционной законности, она не укрепила, а расшатала воинскую дисциплину. Если Матвеева²⁸ расстреляли по решению Реввоенсовета (на котором, кстати, Сорокин не был, так как болел в то время), то главнокомандующий просто застрелен самым бандитским способом. И если мы считаем сейчас расстрел Матвеева слишком суровой мерой для него, достаточно было сместить его с поста командующего Таманской армии (и это правильно), то тем более мы должны решительно осудить самосуд над Сорокиным. Все последующие главкомы уже не в состоянии были справиться с управлением войсками, они неудержимо катились к катастрофе.
7. Начальник главного интендантства Сев. Кав. Республики Мамсуров²⁹ до конца 1918 года неизвестно чем занимался, склады его были всегда пусты, а в Минводах в тупике стояли вагоны с боеприпасами и обмундированием. Как он этого мог не знать? Армия сражалась раздетая, разутая, без снабжения продовольствием и боеприпасами, ее ко-

сил тиф. В январе 1919 г. больных было свыше 40 тысяч. В диких астраханских песках, на пути от Кизляра до Астрахани погибло 30 тысяч бойцов и командиров 11-й много-страдальной Северокавказской армии.

8. Таманская армия была героической. Но таманцы сами себя обрекли на тяжелые испытания 500-километрового похода по побережью Черного моря, через перевал. Выполнили они тогда приказ Сорокина о передислокации под Тимошевскую и обстановка на Кубани могла бы измениться коренным образом в нашу пользу. Надо прямо сказать, что таманцы и после соединения с основными силами северокавказской армии продолжали держаться особняком, гордые своим героическим походом, они пренебрежительно относились к другим соединениям. Получилось так, что у нас образовалась армия в армии, но главком-то был у нас один. Как мог он спокойно терпеть сепаратизм таманцев, который усиленно поддерживался их командным составом? Говорят, что Сорокин боялся популярности Матвеева, будто это был претендент на его пост. Глупости: Матвеев — герой, но сам Батулин³⁰ не называл его стратегом. Матвеев держался на Батулине, его «катай», «валяй» достаточно ярко характеризуют уровень его военной подготовки. А храбростью, героизмом в бою отличались многие и многие командиры рядовые нашей армии, так что удивить этим никого нельзя было. Сам главком Сорокин был одним из храбрейших воинов армии и не раз доказывал это в бою. Но он обладал и талантом военного стратега. Начальник штаба армии Петренко³¹, образованный в военном отношении человек, в своих воспоминаниях приводит факты, когда Сорокин разбивал в пух и прах планы операций реввоенсовета и тут же, не отходя от карты, разрабатывал свои, которые были гораздо лучшими и принимались единогласно. Я могу подтвердить это, так как сам не раз был свидетелем подобных фактов. Конечно, Сорокин не идеал и я не хочу этого утверждать. Он действительно был недоволен тем, что государственная и партийная власть в Кубано-Черноморской, а затем и Северокавказской республике осуществлялась «пришлыми», евреями, но тут так сложилась обстановка. На Кубани никогда не было евреев, и вдруг они во власти, пытаются командовать главкомом, казаком. По существу конфликт Автономова был тоже на этой почве. Налицо политическая незрелость главкомов, так можно сказать. А может надо было чрезвычайному комиссару юга Серго Орджоникидзе учесть эту политическую незрелость главкомов и сформировать органы власти из кубанских, ставропольских и терских большевиков, потому что это имело свою специфическую особенность в событиях на Северном Кавказе? Не секрет, что белогвардейская печать, играя на самолюбии казаков, упрекала их в том, что отдали Кубань «во власть евреев». Сложная была обстановка. Нам и сейчас трудно разобраться во всех ее деталях. В одном я твердо убежден: Сорокин всей своей жизнью не заслуживал той участи, какая его постигла. И я согласен с Петренко, который в своей «Правде о Сорокине» сказал, что

лучше бы он был убит в бою, мы бы похоронили его в красном гробу, с воинскими почестями, как героя, каким он и был, чем всю жизнь слушать и читать о нем как «предателе», «изменнике», «деникинском агенте» и прочее, и прочее... И это после того, как Серго в своем докладе ЦК партии еще в то время со всей ответственностью заявил, что Сорокин с белогвардейцами не был связан³². А в фильмах его образ исказили до неузнаваемости: в одном показывают каким-то интеллигентом-долгоносиком, в другом — неумным, бесшабашным пьяницей и бабником, которого наставляет на ум-разум начальник штаба из бывших царских полковников. Да не таким он был, уважаемые писатели, кинорежиссеры и актеры! Посмотрите на фотографии: какой он бравый казак, какие у него пышные усы. А его тяжелого, давящего взгляда серо-зеленых глаз многие не выдерживали.

Сорокин был неплохой оратор, умел владеть массами. Я вспоминаю один эпизод. Это было на Ростово-Батайском фронте. Как-то раз Сорокин, в сопровождении конвойного взвода, поехал по фронту. Я тоже был в числе сопровождавших его. Войска радостно приветствовали командующего, интересовались, когда мы пойдем вперед. Сорокин, гордо восседая на красивом коне, отвечал: «Скоро, товарищи. Мы пойдем вперед и свинцовой метлой выметем с нашей земли всякую нечисть». Так мы проехали километров пятнадцать. Возвращаясь назад, мы увидели впереди облако пыли. Сорокин приложил к глазам бинокль, воскликнул: «Там паника!» Пришпорив коня, вихрем помчался туда, где разрасталось облако пыли. Врываемся в массу бегущих с фронта бойцов. Сорокин кричит: «Стой! Что за паника?» Ближние остановились, с удивлением смотрят на Сорокина и его сопровождение. Вдруг кто-то из них завопил: «Братцы! Вот он, предатель! Бей его!» Не успели мы опомниться, как были окружены возбужденно орущей массой. наших лошадей схватили под уздцы. Я взглянул на Сорокина. У него ходуном ходили желваки, он напряженно смотрел в сторону. Я посмотрел в том направлении, и сердце замерло в груди: на пригорке против нас два бойца устанавливали пулемет. «Сейчас дадут очередь, и поминай, как звали. Неужели конец. Так глупо погибнуть от своих», — пронеслось в голове. Сорокин рывком вздыбил коня. От него шарахнулись в сторону те, кто держал его. Галдеж еще больше усилился. Кое-кто клацнул затвором винтовки.

Молчать! — перекрывая галдеж, закричал Сорокин. Вены вздулись на его шее. Разъезжая по кругу, он продолжал: Вы не революционная армия, а сброд бандитов и сволочей. Кто вам сказал, что я предатель? Я сам вас столько раз водил в атаку, я сам пятнадцать раз ранен! Кто вам сказал, что вас бросили? Это вы предали своих товарищей, оставили фронт и бежите, как последние трусы. Кто вас подбил на это? Я приказываю немедленно выдать мне белогвардейских провокаторов. Где они? Перегнувшись в седле, он указывая пальцем на одного из тех, кто держал до этого его жеребца под уздцы, крикнул: «Вот он, бандит и провокатор!»

Толпа повернулась к тому, на кого указывал Сорокин. Это был высокий, худощавый человек. Растопырив локти, он пятился перед командующим. Сорокин молниеносно выхватил шашку и рубанул его по длинной шее. Вот так революционная армия будет расправляться с врагами социалистической революции, — кричал, наступая на притихшую толпу Сорокин, размахивая окровавленным клинком. Бледный и страшный, он разъезжал по кругу, ругал и успокаивал растерявшихся бойцов. Никакого разгрома нет, все наши части стоят на своих местах. Только вы поддались панике. Это агенты Деникина толкают вас на убийство своего командующего и подрыв боевой революционной дисциплины. Как вы могли подумать, что я вас предал!? Мне стыдно за вас! Выделите трех надежных человек, пусть на моей машине проедут по фронту и убедятся в том, что армия стоит на месте и ждет моего приказа о наступлении.

Да чего уж там... Виноваты, товарищ Сорокин... Сами видим, что дурака сваяляли... напребой, потупя глаза, заговорили бойцы. Где командиры и политработники? Здесь они. Мы их... взяли под стражу. Тут же они были освобождены. Сорокин сказал им: Если один провокатор способен вызвать у вас такую панику, то это значит, что вы плохо работаете с бойцами. Паника прошла, настроение у людей изменилось. Сорокин приподнялся на стременах: Скоро я поведу вас в бой. Храбростью и блестящей победой над врагом искупите свою вину. Горе будет тем, кто покажет себя в бою шкурником и трусом... А сейчас до свиданья. Желая вам твердого революционного порядка. В пути мы с ним пересели в машину. Сорокин сказал:

— Вот так, Федор, бывает. Сегодня мы без малого не стали покойниками.

— Иван Лукич, а тот солдат... Кто он?

— Чужак... Я своих бойцов знаю, — отрезал Сорокин. Чувствовалось, что говорить ему о нем не хочется.

Я привел этот пример для того, чтобы показать, как Сорокин в данном случае сумел овладеть массой, пожертвовав одним человеком, он удержал на фронте до пяти тысяч бойцов, спас жизнь не только свою, но и сопровождавших его лиц, а также командиров и политработников частей, поддавшихся панике. К сожалению, в книгах, которые я выпустил³³, мне не удалось рассказать всю правду о Сорокине. Больше того и мне пришлось, скрепя сердце, поддерживать давно утвердившуюся оценку личности Сорокина. Но я верю, что придет время и роль нашего главнокомандующего — Ивана Лукича Сорокина — в борьбе за Советскую власть на Северном Кавказе, будет тщательно изучена и получит переоценку. Я даже думаю о том, что это время уже пришло. Пора смыть с его геройского имени все наносное и чуждое, открыть доступ к документам грузинского меньшевистского правительства, хранящимся в госархиве Грузии. Найдутся энергичные и беспристрастные исследователи, которые раскроют тайну, породившую Пятигорскую трагедию. С этой надеждой я и хочу закончить воспоминания о человеке, достойном лучшей участи — Иване Лукиче Сорокине. (Примечание Ф. Ф. Крутогорова: Таманцы не знали, что приказ о расстреле ком.[андующего] Матвеева был Рубина и Крайнего-Шнейдермана, ду-

мали, что это сделал Сорокин, поэтому Висленко (правильно — Высленко. — А. Л.) и застрелил команд.[ующего] Сорокина И. Л.).

Федор Федорович Крутоголов, Член КПСС с 1920 г., персональный пенсионер республиканского значения. Г. Краснодар, ул. Гоголя, 63, кв. январь-февраль 1976 года.

Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1634. Оп. 1. Д. 100. Л. 2-13.

¹ Разгон И. Разгром Корнилова на Кубани // Военно-исторический журнал. 1940. № 2. С. 35.

² Разгон И. Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе. 1917–1920 гг. М., 1941. С. 110.

³ Там же. С. 247.

⁴ Минц И. И. Год 1918-й. М., 1982. С. 534.

⁵ Там же. С. 534.

⁶ Толстой А. Н. Хождение по мукам. М., 1982. С. 210–215.

⁷ Там же. С. 215.

⁸ Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 2003. Т. III. С. 608.

⁹ Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1568. Воспоминания Н. Е. Батлука об аванюре Сорокина. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.

¹⁰ Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1774–Р. Оп. 2. Д. 309. Воспоминания В. А. Меркулова, комиссара финансов Кубанского областного ревкома. Л. 6.

¹¹ Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 12. Оп. 3. Д. 892. Записки В. Поды, участника боев на Северном Кавказе. Л. 1.

¹² Центр государственного архива политических объединений Украины. Ф. 59. Оп. 1. Д. 454. Л. 55.

¹³ Крутоголов Ф. Огненные версты. Краснодар, 1975. С. 120.

¹⁴ Карпов Н. Мятёж главкома Сорокина: правда и вымыслы. М., 2006; Лобанов В., Пученков А. «Авантюра» Ивана Сорокина // Родина. 2011. № 3. С. 62–66.

¹⁵ Автономов Александр Исидорович (1890–1919), в 1918 г. — главнокомандующий войсками Северокавказской Красной Армии. Скончался от тифа.

¹⁶ Калнин Карл Иванович (1884–1937), летом 1918 г. непродолжительное время — главком Северокавказской красной армии. Уступил место Сорокину. В дальнейшем на командных должностях в Красной Армии. Репрессирован.

¹⁷ Речь идет о Добровольческой армии, возникшей в ноябре 1917 г. на Дону. Основателем армии был генерал М. В. Алексеев, а пост командующего армией в декабре 1917 г. занял генерал Л. Г. Корнилов.

¹⁸ Покровский Виктор Леонидович (1889–1922), один из организаторов антибольшевистского сопротивления на Кубани. С 1918 г. — в рядах Добровольческой армии, генерал-лейтенант. Убит, при не до конца выясненных обстоятельствах, в Болгарии чинами местной полиции.

¹⁹ Другой вариант написания фамилии — Высленко.

²⁰ Полуян Ян Васильевич (1891–1937), активный участник установления советской власти на Кубани. Репрессирован. По утверждению политкома П. С. Гуменного, Полуян интриговал против Сорокина иумышленно скрыл телеграмму Троцкого, предписывавшую доставить Сорокина для суда в Москву. Скрыв телеграмму, Полуян допустил самосуд таманцев над Сорокиным. В беседе с Полуяном Троцкий обвинил последнего в том, что он убил «талант-самородок». (Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 2. Л. 23).

²¹ Ленин В. И. О Доне и Северном Кавказе. Документальный сборник. Ростов н / Д, 1967.

²² Федько Иван Федорович (1897–1939), командарм 11-й армии, один из виднейших советских военных деятелей первых десятилетий советской власти. Репрессирован.

²³ Крузе В. М., военспец, командарм 11-й армии в конце 1918 г. Летом 1919 г. перебежал к белым.

²⁴ Левандовский Михаил Карлович (1890–1938), командарм 11-й армии. Был назначен по инициативе Г. К. Орджоникидзе. Репрессирован.

²⁵ Жлоба Дмитрий Петрович (1887–1938), один из самых известных красных командиров периода гражданской войны. Комдив. Репрессирован.

²⁶ Мокроусов Алексей Васильевич (1887–1959), участник гражданской войны в России и Испании. Известен как организатор одного из самых боеспособных партизанских отрядов. Летом 1920 г. командовал красной Крымской повстанческой армией, действовавшей в тылу Русской армии генерала П. Н. Врангеля.

²⁷ Никифорова Мария Григорьевна (Маруся) (1895–1919), анархистка, соратница Н. И. Махно.

²⁸ Матвеев Иван Иванович (1890–1918), командарм Таманской армии. Расстрелян.

²⁹ Мамсуров Саханджери Гидзоевич (1882–1937), в ноябре 1918 г. — член РВС 11-й армии. Репрессирован.

³⁰ Батулин Григорий Николаевич (1880–1925), начальник штаба Таманской армии.

³¹ Петренко Сергей Васильевич (1890–1937), начальник штаба 11-й армии. В 1935 г. произведен в комбрига. Репрессирован.

³² В своей записке «Год гражданской войны на Северном Кавказе» (1919 г.) Г. К. Орджоникидзе писал о том, что «несмотря на всю необузданность Сорокина, несмотря на его преступления, совершенные по отношению к нашим товарищам, с контрреволюцией никаких связей не имел...» (см.: Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р–9505. Оп. 1. Д. 55. Л. 12–13.).

³³ См.: Крутоголов Ф. Ф. 1) На Кубани и Тереке. Краснодар, 1967; 2) Огненные версты. Записки участника гражданской войны на Юге России. Краснодар, 1975.

“The truth about Sorokin” F. F. Krutogolov`s unpublished notes about the prominent red commander-in-chief I. L. Sorokin.

Published by A. S. Puchenkov

ABSTRACT: The memoirs of F. Krutogolov are devoted to the personality of I. L. Sorokin, the outstanding commander of the Red Guard, the participant of the Civil War in the North Caucasus.

KEYWORDS: I. L. Sorokin, the Russian Civil war.

AUTHOR: Ph.D. in History, Associate Professor, Saint-Petersburg State Electrotechnical University (Saint-Petersburg); ap80@mail.ru

REFERENCES:

¹ Razgon I. Razgrom Kornilova na Kubani // Voenno-istoricheskij zhurnal. 1940. N 2.

² Razgon I. Ordzhonikidze i Kirov i bor`ba za vlast` Sovetov na Severnom Kavkaze. 1917–1920 gg. M., 1941.

³ Minc I. I. God 1918-j. Moscow, 1982.

⁴ Tolstoj A. N. Xozhdenie po mukam. Moscow, 1982.

⁵ Denikin A. I. Ocherki russkoj smuty'. Moscow, 2003. T. III.

⁶ Krasnodar region State Archive.

⁷ Modern history of Krasnodar region documentation center.

⁸ Central State Archive of Ukraine political associations.

⁹ Krutogolov F. Ognenny'e versty'. Krasnodar, 1975.

¹⁰ Karpov N. Myatezh glavkoma Sorokina: pravda i vy'my'sly'. Moscow, 2006.

¹¹ Lobanov V., Puchenkov A. «Avantyura» Ivana Sorokina // Rodina. 2011. N 3.

¹² Lenin V. I. O Done i Severnom Kavkaze. Dokumental'nyj sbornik. Rostov-na-Donu, 1967.

¹³ Russian Federation State Archive.

¹⁴ Krutogolov F. F. Na Kubani i Tereke. Krasnodar: Kn. izd., 1967.